

Хань Шаочжоу ворвался в апартаменты, охваченный тревогой, и застал Мо Мина на диване в гостиной: тот сидел, одиноко съёжившись, а на его руках и под носом виднелись следы крови.

Несколько капель упали на грудь, расплываясь по белоснежному шелку пижамы пугающими алыми пятнами. Шаочжоу глубоко вдохнул, чувствуя, как мелко дрожит сердце. Подойдя ближе, он осторожно взял юношу за лицо, внимательно осматривая его, и встревоженно спросил:

— Почему вдруг пошла кровь?

Мо Мин едва слышно прошептал:

— Потому что брат Чжоу был со мной слишком суров...

«...»

Во время недавнего «урока» мужчина не позволил себе ни единого грубого слова. Да, он вел себя холодно, но тон никак нельзя было назвать «суровым». К тому же, разве может быть связь между носовым кровотечением и строгостью?

— Иди переодевайся, я отвезу тебя в больницу, — бросил Хань, не желая пускаться в лишние рассуждения. Вид горы окровавленных салфеток на столе заставлял его сердце болезненно сжиматься.

— Всё уже прошло, кровь остановилась, — Мо Мин снова кротко улыбнулся собеседнику. — Раз ты вернулся, мне уже лучше.

«...»

Парень протянул руки и обнял стоявшего перед ним Шаочжоу. Сидя на диване, он уткнулся лицом прямо в его живот.

— Брат Чжоу, не сердись на меня больше...

Глядя на макушку Мо Мина, Хань Шаочжоу запрокинул голову и глубоко вздохнул.

— Одевайся. В больницу.

— Правда, не нужно. Брат Чжоу, я...

— Слушайся меня.

Тот поднял лицо и, встретившись взглядом с этим строгим и красивым мужчиной, поджал губы. Он нехотя разжал объятия и послушно отправился в спальню переодеваться.

В машине водитель сосредоточенно вел автомобиль.

На заднем сиденье Мо Мин прижимался к Хань Шаочжоу, обхватив его руку и положив подбородок ему на плечо. Он смотрел на него мягким, ласковым взглядом. Президент Хань же, сохраняя бесстрастное выражение лица, смотрел в окно. Губы его были плотно сжаты, а резкая линия челюсти казалась напряженной.

Юноша придвинулся еще ближе, так что его губы почти коснулись острого подбородка мужчины.

— Брат Чжоу, ты даже не посмотришь на меня? — тихо спросил он.

Хань по-прежнему не удостоил его вниманием.

Мо Мин разочарованно прикрыл глаза и, положив голову спутнику на плечо, замолчал. Только тогда Шаочжоу незаметно повернул голову и взглянул на него. Парень поджал губы, а его брови слегка сошлись к переносице — вид у него был крайне обиженный.

Ночью в больнице можно было провести лишь ограниченное количество обследований. После нескольких тестов и тщательного опроса врач сделал осторожный вывод: кровотечение было вызвано переизбытком укрепляющих средств в организме.

Хань Шаочжоу внезапно вспомнил тот отвар, который он заставил выпить Мо Мина утром. Он не знал, как правильно готовить те снадобья, что присылали из дома, но, желая поправить здоровье парня, просто свалил всё в одну кучу и выварил до состояния концентрированного бульона.

Неужели это и впрямь была его вина?

Выйдя из больницы, Шаочжоу вновь принял вид сурового покровителя и ледяным тоном скомандовал:

— Завтра утром приедешь сюда сам и пройдешь полное обследование. Если всё будет в порядке — сообщишь мне.

Слова звучали холодно, и мужчина зашагал вперед, даже не думая замедлять шаг. Мо Мину пришлось почти бежать, чтобы не отстать. Когда он попытался взять Ханя за руку, тот резко отстранился и прибавил ходу.

Тогда юноша просто ухватился за край его пиджака и побрел следом, не отставая ни на шаг.

Хань Шаочжоу внезапно замер, и Мо Мин наткнулся прямо на его спину. Потирая лоб, тот поднял глаза и встретился с мрачным взглядом президента Ханя, после чего тут же поник и опустил голову.

— Неужели ты думаешь, что если я привез тебя в больницу, то сегодняшний инцидент исчерпан? — Шаочжоу нахмурился, чеканя слова. — Ты до сих пор не осознал, в чем твоя ошибка?

Мо Мин помолчал несколько секунд.

— В том... что я не проявил должного уважения к твоим друзьям?

Мужчина опешил. Он даже не думал об этом. У этих бездельников и так не было в его глазах никакого веса.

— Нет, — отрезал Шаочжоу.

Мо Мин медленно поднял голову и, задумавшись на мгновение, добавил:

— Мне не следовало так разговаривать с господином Вэнем... В будущем я буду осторожнее.

— Ты вообще замечаешь кого-то, кроме окружающих? — вспылил Хань.

— ...А? — Мо Мин растерянно моргнул. — Разве дело не в этом?

Подул холодный ночной ветер. Глядя на легкую одежду Мо Мина, Хань проглотил готовые сорваться слова и молча направился к машине. Юноша поспешил за ним.

На этот раз Хань Шаочжоу сел на переднее сиденье, оставив Мо Мина одного сзади. Когда машина тронулась, тот высунулся между креслами, пытаясь прильнуть к Ханю, но тот в сердцах прижал его голову ладонью обратно.

— С ума сошел? Сядь на место! — прикрикнул он.

После этого Мо Мин окончательно притих. Он послушно сидел сзади, пристально глядя на

затылок мужчины, а затем опустил взгляд на свои ноги и надолго замер.

«Если усилия, затрачиваемые на поддержание этих отношений, превышают то, что они приносят, есть ли смысл продолжать?»

«Этот человек был так добр ко мне все эти годы. Если он и впрямь стал для него обузой, это было бы очень печально»

Юноша поднял голову и расслабился, собираясь что-то сказать, но в этот момент у Хань Шаочжоу зазвонил телефон. Мо Мин молча закрыл рот.

Звонил Чжао Чэн. Вечер для него выдался удачным: несмотря на то что Шаочжоу рано ушел, Чэн сумел переманить всю компанию в свое заведение. Ян Гуань, этот простофиля, взял на себя все расходы по выпивке, а остальные богатые бездельники накопили клубных карт на кругленькие суммы. Ночные гулянья были в самом разгаре.

Чжао Чэн сообщил, что после ужина в Цзуйцзюйлоу Вэнь Цы сразу уехал домой и не присоединился к остальным.

— Ты сегодня так внезапно сорвался, мне стоило больших трудов сгладить углы... Слушай, может, позвонишь Вэнь Цы? Неважно, что ты к нему чувствуешь, мы всё же друзья, а иначе в следующий раз будет неловко встречаться.

— Я сам с этим разберусь, — сухо ответил Хань.

— А когда Брат Цинь и остальные вернутся, позовем Вэнь Цы? Соберемся своей компанией, даже этого придурка Сяо Яна звать не будем.

— Не нужно. Обсудим это позже.

— Старина Хань... — Брат Чжао помолчал, а затем спросил тише: — Ты правда до сих пор с этим Мо Мином?

— Я ясно сказал тебе в Цзуйцзюйлоу: не лезь не в свое дело со своими советами. Я в здравом уме и в помощи не нуждаюсь.

— Ладно, буду считать, что ты поумнел. Честно говоря, так и надо. Терпеть не могу подлиз.

«...»

— Кстати, Мо Мин, наверное, сегодня обиделся? Ах да, ты же говорил, что он на тебя не

обижается, — рассмеялся Чжао Чэн. — Значит, сейчас он тихонько страдает в одиночестве. Не плакал еще?

Хань Шаочжоу нахмурился и незаметно взглянул в зеркало заднего вида. Парень сидел, опустив голову и ковыряя пальцы, так что лица его не было видно.

— С чего бы ему страдать?

— Ну ты даешь, Хань! Подумай сам: юноша тебя так любит, а сегодня видит тебя за одним столом с твоей бывшей любовью. Каково ему? Он для тебя всего лишь любовничек, у него, скорее всего, и духу не хватит требовать объяснений, вот он и копит эту горечь в себе.

«...»

— И ты разве не видел, как он держался перед Вэнь Цы? Боже, я никогда не видел Мо Мина таким. Перед соперником он прямо-таки оцетинился.

«...!!»

Эти слова подействовали на Шаочжоу как озарение. Глухое раздражение, мучившее его весь вечер, мгновенно испарилось.

Так вот в чем дело! Ответ был так прост, а он и не догадался. Вот почему Мо Мин был так холоден... Этой ночью его сердце, должно быть, было разбито, но он не проронил ни слова жалобы. Он не сделал ничего плохого, он просто... приревновал.

Выражение лица Хань Шаочжоу стало крайне сложным. Он снова посмотрел в зеркало: Мо Мин глядел в окно с потерянным и печальным видом. А Шаочжоу накричал на него и даже произнес эти слова — «давай расстанемся».

— Эй, Хань, ты меня слышишь?

— Чжао Чэн, — торжественно произнес Хань Шаочжоу. — Твой длинный язык сегодня всё-таки оказался полезен.

— А?

Хань не стал продолжать разговор и быстро повесил трубку. Как только Мо Мин собрался заговорить, мужчина опередил его:

— Можешь ничего не говорить. Я всё знаю.

Мо Мин замер.

— Скажу честно: сегодня я злился в основном из-за того, что ты уткнулся в телефон, даже не поздоровавшись со мной, — произнес Шаочжоу.

Юноша приоткрыл рот и спустя мгновение тихо пояснил:

— Я думал, ты спишь...

— Ладно. Раз это было недоразумением, я не буду на тебя злиться, — великодушно разрешил Хань. — В следующий раз будь внимательнее.

Мо Мин не верил своим ушам. Он робко взглянул на губы Ханя, которые, казалось, тронула тень улыбки.

— Ты больше не сердись на меня?

— Ты усвоил урок?

Тот поспешно кивнул.

— Тогда эта глава закрыта.

Вернувшись в апартаменты, Мо Мин первым же делом обнял Хань Шаочжоу за талию, едва закрылась дверь.

Шаочжоу пришлось слегка задрать подбородок, когда парень уткнулся ему в шею. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и позволял Мо Мину обнимать себя.

— Что, я тебя сегодня так сильно напугал? — с усмешкой спросил он.

Тот поднял лицо. Его темные глаза сияли так ярко, что захватывало дух. Мо Мин не ответил на вопрос, лишь тихо произнес:

— Брат Чжоу, я хочу поцеловать тебя...

Кадык Ханя дернулся. Он издал короткий смешок и, пройдя к дивану, сел, поманив Мо Мина рукой.

— Иди сюда.

Юноша послушно подбежал к нему. Шаочжоу вальяжно откинулся на спинку и похлопал себя по бедрам:

— Забирайся. Целуй сколько влезет, я весь в твоём распоряжении.

В прекрасных глазах Мо Мина вспыхнула радость. Он опустился коленями на диван и сел на мужчину верхом, оказавшись при этом заметно выше него. Хань Шаочжоу не ожидал такой смелости — он думал, парень просто робко присядет к нему на колени боком.

Шаочжоу смотрел снизу вверх на это лицо, освещенное контровым светом, но всё ещё ослепительно красивое. Дыхание его перехватило, а руки сами собой легли на талию Мо Мина.

Тот внимательно разглядывал черты мужчины, касаясь кончиками пальцев его бровей, глаз и линии челюсти. Видя в его глазах такую глубокую, почти болезненную преданность, Хань не удержался от смешка:

— Похоже, ты и впрямь любишь глазами. Неужели тебе во мне только лицо и нравится?

Мо Мин промолчал, продолжая нежно вглядываться в его облик. С этого ракурса он видел всё четче, чем когда-либо...

«Я до сих пор не понимаю, почему два человека могут быть настолько похожи... Если я потеряю этого мужчину, то вряд ли когда-нибудь найду кого-то более похожего»

Хань Шаочжоу почувствовал, как лицо его начинает гореть под этим долгим, безмолвным взглядом. Он слегка сжал ладони на талии парня:

— Ты ведь хотел поцеловать меня. Давай, я весь твой.

Мо Мин закрыл глаза и прильнул к нему. Лоб, брови, уголки глаз... Дюйм за дюймом, он осыпал его лицо поцелуями — нежными, почти невесомыми, словно ласками.

«Я знаю: каждый следующий день может стать нашим последним днем вместе. У меня нет сожалений, я просто... хочу прочувствовать этот момент до конца»

Между ясностью разума и упоением — всего один шаг, но разница в ощущениях колоссальна. Ему было достаточно и этих трех лет. Он был искренне благодарен Хань Шаочжоу. Искренне...

— Я купил тебе одежду, но ты её так и не примерил, — Мо Мин отстранился. — Хочешь

попробовать сейчас?

— Ты купил мне одежду? — Хань прищурился. — Решил полностью взять на себя заботу о моем гардеробе?

— Можно, брат Чжоу? Я очень хочу... увидеть тебя в ней.

— Хорошо-хорошо, примерим.

Черная водолазка с высоким горлом и длинный плащ песочного цвета. Юноша выбирал размер точно по фигуре Ханя, так что одежда села идеально.

В свете ламп этот высокий и статный мужчина преобразился: привычная дерзость и небрежность сменились элегантностью и какой-то интеллектуальной глубиной. Даже его резкие черты лица в этом наряде казались мягче и теплее.

Мо Мин не мог отвести глаз. Он замер, глядя на этот до боли знакомый образ, прижав руки к груди. В его взгляде читалось потрясение.

Хань Шаочжоу не слишком любил высокие воротники, они всегда мешали ему. Он потянул за край водолазки, пытаясь её ослабить, и тут заметил, как смотрит на него Мо Мин. Этот взгляд был полон такого обожания и тоски, что руки Ханя сами собой опустились.

Он окинул себя взглядом и снова посмотрел на Мо Мина, недоуменно нахмурившись:

— Неужели так хорошо сидит?

Тот кивнул. Его глаза немного заблестели от набежавших слез, но он продолжал улыбаться:

— Красиво. Когда ты так одет, ты... самый лучший.

Удовлетворенный похвалой, Шаочжоу снова сел на диван. Не успел он и слова сказать, как юноша снова оказался у него на коленях в той же позе.

— Какая страсть, — усмехнулся Хань. — Значит, сегодня...

— Брат Чжоу, молчи, — Мо Мин взял его лицо в ладони и прервал его поцелуем. — Пожалуйста, сегодня не издавай ни звука. Совсем.

— А ты...

— Я сам.

Дыхание Шаочжоу сбилось, а голос стал хриплым:

— Хорошо.

Хань Шаочжоу так и не снял верхнюю одежду. Откинувшись на спинку дивана, он наслаждался таким упоением, какого не чувствовал за все эти три года.

Когда всё закончилось, Мо Мин был совершенно измотан. Мужчина отнес его на кровать и хотел продолжить, но тот зарылся в одеяло, наотрез отказавшись. И тут у юноши снова пошла кровь из носа, отчего у Шаочжоу мигом пропал весь пыл.

Остановив кровь и отнеся парня в ванную, Хань ворчал:

— Я же говорил, не пей эти снадобья как простую воду.

Мо Мин, сонный и уставший, прижался к нему, тихо возражая:

— Они... вкусные...

Вспомнив о своем утреннем кулинарном эксперименте с отваром, Шаочжоу вздохнул:

— Ладно. В будущем будем строго контролировать дозировку.

Ночь окончательно вступила в свои права. Мо Мин спал крепким сном, а Хань всё еще прокручивал в голове недавние события на диване. Мо Мин сегодня был невероятно соблазнителен. Казалось, ему больше нравилось осыпать лицо Ханя поцелуями, выражая пылкую любовь, чем заниматься самим сексом.

Его странное поведение лишь подтверждало: появление Вэнь Цы действительно вызвало у него небывалую тревогу, особенно после слов о расставании. Все эти старания были лишь попыткой удержаться рядом.

Хану льстило это рвение, вызванное неуверенностью, но в то же время ему было искренне жаль мальчишку. Если тот будет постоянно жить в страхе быть брошенным, это будет тяжелая жизнь.

— Малыш... — тихо позвал он спящего парня. Сейчас он был совершенно расслаблен и

дорожил этим хрупким существом в своих руках. Мо Мин что-то невнятно пробормотал во сне.

— Сегодня Чжао Чэн устроил ужин, чтобы встретить Вэнь Цы. Собрались старые друзья, — Хань опустил голову и слегка ущипнул Мо Мина за щеку, заставляя его приоткрыть глаза. — Мы все раньше общались, это просто обычная встреча приятелей.

Мо Мин тихо угукнул и уже собирался снова уткнуться лицом в грудь спутника, но тот приподнял его за подбородок.

— Ты злишься на меня за то, что я не заступился за тебя в ресторане? — серьезно спросил Шаочжоу.

На самом деле он тогда не до конца понимал, что происходит. Когда они с Чжао Чэном подошли, казалось, что Вэнь Цы и Мо Мин просто ведут напряженный спор. Вэнь Цы пытался сгладить ситуацию, а Мо Мин не желал уступить. Никто бы не подумал, что Мо Мина обижают. Только позже, по обрывкам фраз в кабинете, он догадался, что Шэнь Сиси с братом просто нагло пользовались своим положением.

Тот посмотрел на него, и его сонная улыбка была необычайно нежной:

— Я никогда не злюсь на тебя, брат Чжоу...

— Правда?

— Да. Быть рядом с тобой — для меня уже счастье. Если бы я злился, это было бы сущей неблагодарностью.

«...»

Лицо Хань Шаочжоу приняло сложное выражение. Он и не думал, что любовь Мо Мина сделала его таким смиренным. Ему было страшно представить, в какое отчаяние впадет этот парень, если они действительно когда-нибудь расстанутся. За три года он, сам того не замечая, стал для Мо Мина целым миром.

Утро. За окном то и дело принимался накрапывать мелкий дождь.

Хань Шаочжоу был в прекрасном настроении. Стоя перед зеркалом в ванной, он напевал какой-то мотив и брился. Жужжание электробритвы не мешало ему любоваться своим отражением.

Раньше он не придавал особого значения своей внешности, приводя себя в порядок лишь перед важными встречами. Но Мо Мин, казалось, был без ума от его лица. Вчерашняя ночь это лишний раз подтвердила. Постепенно и сам Хань начал находить свое лицо вполне привлекательным — в конце концов, у такого красавца, как Мо Мин, вкус должен быть отменным.

Черты лица он унаследовал от матери, но дедушка как-то сказал, что он больше похож на её брата-близнеца. Тот дядя погиб в той же аварии, что и его родители. Особенно сходство стало заметно, когда Хань повзрослел.

Впрочем, Шаочжоу так не считал. От дедушки он слышал, что дядя в свое время был тем еще повесой, и после его смерти старик долго надеялся, что где-то остались его внебрачные дети. Но Хань не видел в себе черт ветрености — скорее уж сходство с матерью, которая была признанной красавицей и очень его любила.

Первую половину дня Хань Шаочжоу провел не в офисе, а в больнице, куда лично отвез Мо Мина на обследование. Причиной носовых кровотечений снова назвали чрезмерное усердие в приеме укрепляющих средств.

В больничном коридоре Хань, засунув одну руку в карман и постукивая свернутыми в трубку результатами анализов по плечу Мо Мина, наставлял его:

— Те сладобья, что остались дома... Либо вообще их не пей, либо не больше одной чашки в день.

Юноша попытался возразить:

— Но они вкусные... И ничего страшного, если кровь иногда пойдет.

— Еще раз увижу кровь — всё конфискую. И сладостей лишу.

Тот нахмурился и спустя мгновение тихо проговорил:

— Нельзя быть таким деспотичным, брат Чжоу.

Шаочжоу усмехнулся:

— Протест отклонен.

Вернувшись в апартаменты, Хань Шаочжоу просто-напросто запер комнату, где хранились все деликатесы и снадобья. Позванивая ключами, он сказал Мо Мину:

— Возьми свою порцию на сегодня. Одну банку. И я закрываю дверь.

Тот вошел и, подхватив коробку размером в полчеловека, пулей бросился наружу. Мужчина попытался перехватить коробку, но Мо Мин ловко увернулся.

Погоня закончилась в спальне. Парень мертвой хваткой вцепился в коробку, прижимая её к груди как подушку. Хань, закатав рукава, бросился в атаку. После пары маневров на кровати он перехватил руки Мо Мина и прижал их над его головой, полностью лишив возможности двигаться.

— И ты с такими жалкими навыками вздумал тягаться со мной? — Хань усмехнулся. — Десять лет назад я бы раскидал нескольких таких, как ты.

Мо Мин не сдавался, отвернув голову в сторону:

— Сейчас не грубой силой меряются, а умом.

— О, так ты у нас еще и недоволен? — Мужчина наклонился и поцеловал его в уголок губ. — С твоим-то простодушием ты смеешь говорить мне об уме? У тебя-то он есть?

Поняв, что вырваться не удастся, юноша затих.

— Брат Чжоу меня обижает...

— Это жалоба или просьба? Если просьба, я могу начать прямо сейчас.

— Ты совсем бесстыжий, брат Чжоу.

«...»

Днем дождь стих. Хань Шаочжоу уехал в офис: вечером ему предстояло отправиться в соседний город на благотворительный аукцион, и ночевать дома он не планировал.

Когда Мо Мин проснулся после дневного сна, он увидел сообщение от владелицы зоомагазина с фотографией щенка. Сяо Ханя вымыли и перевязали ему раны. Женщина написала, что это маленький золотистый ретривер.

Юноша увеличил фото... М-да, всё еще гадкий утенок, понурый и совсем не такой бодрый, как вчера вечером, когда он его нашел. Зоомагазин находился прямо за воротами жилого комплекса, так что Мо Мин решил туда заглянуть.

Стоило Сяо Ханю увидеть спасителя, как он тут же оживился: начал прыгать в клетке, радостно твкать и бешено вилять хвостом.

— Этот малый так только на тебя реагирует, — улыбнулась хозяйка. — Когда моя подруга несла его мыться, он висел как тряпочка, совсем без сил был.

— ... — Мо Мин удивился. — Вы... вы меня узнали?

Он ведь с самого начала был в маске.

— Я еще вчера тебя узнала. Видела несколько раз, как ты выходишь за завтраком. Твои глаза я узнаю и под маской, — ответил хозяин, подсыпая корм шнауцеру в соседней клетке. — Моя девушка постоянно смотрела ту дораму с твоим участием, ну и я краем глаза видел. У меня глаз наметан: таких звезд, как ты, я за версту чую, как бы они ни прятались. В нашем комплексе много знаменитостей живет, я уже нескольких видел.

Хозяйка говорила об этом как о чем-то совершенно обыденном.

Раз уж его раскрыли, Мо Мин стянул маску и негромко рассмеялся:

— Я вовсе не большая звезда.

Женщина обернулась к нему:

— А ты симпатичный малый, в жизни выглядишь куда лучше, чем на экране. Может, сейчас и не звезда, но обязательно ею станешь.

— Благодарю за добрые слова.

— Кстати, я знаю, что к нам в комплекс переехала одна настоящая суперзвезда, — добавила она. — Заходил как-то за кормом: шляпа, маска, шарф до самых глаз... Но я сразу поняла — это Гао Чэнь.

Мо Мин, который в этот момент играл с носом Сяо Ханя, замер и обернулся:

— Гао Чэнь?

— Ага, тот самый певец.

<http://bllate.org/book/15854/1440010>